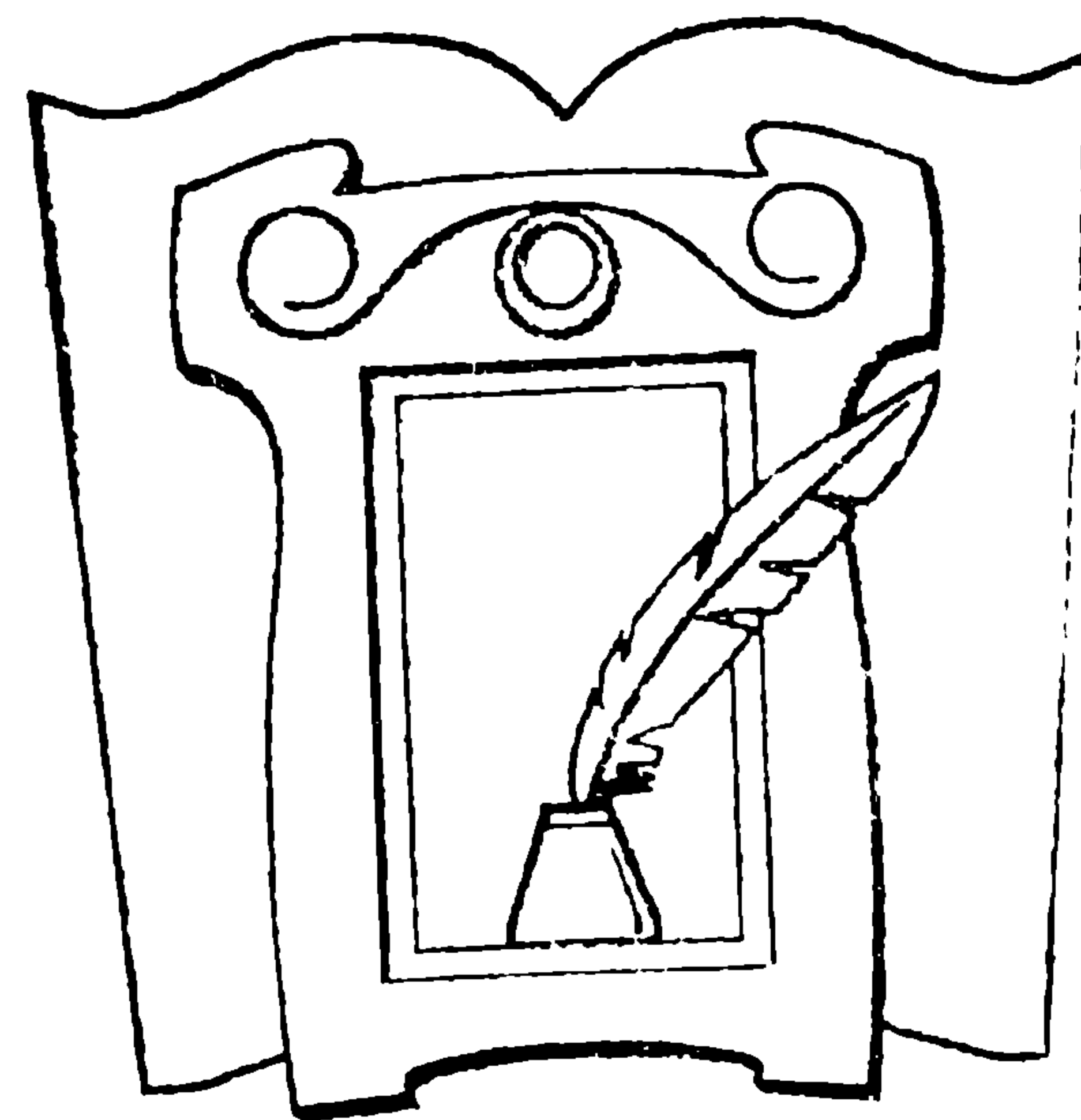

Управление Алтайского края по культуре

Государственное учреждение культуры
«Алтайский государственный
краеведческий музей»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 8

Из книги
Т. К. Щегловой

Барнаул
2009

Редколлегия: *О.В. Падалкина, И.В. Попова* (ответственная за выпуск),
д.и.н. *Т.К. Щеглова* (научный редактор)

Краеведческие записки: Вып. 8/ Управление Алтайского края по культуре, Алт. гос. краевед. музей. – Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2009. – 242 с.: ил., вкл.

Выпуск 8 подготовлен по материалам V Геблеровских чтений: этнографические исследования в области традиционной культуры народов Алтайского края и сопредельных территорий.

Авторы: музейные работники, этнографы, историки, краеведы.

© Алтайский государственный
краеведческий музей, 2009

ISBN 978–5–88449–217–2

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СОСТАВ, ФОРМИРОВАНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ

Русские являются титульным этносом Алтайского края. В 1970 году они насчитывали – 2 млн. 336 тыс., что составляло 87,9%, в 2002 г. – 2 млн. 398 тыс. человек – 91% от общей численности. Носителями традиционной русской культуры на Алтае, в первую очередь, являлось сельское население, представленное разными социосословными группами. Собственно крестьянством, в иерархии общественной лестницы Российской империи с 1830-х гг. по Закону о состояниях (сословиях) объединенного в единую сословную группу – «сельские обыватели», служилыми людьми – казаками одного из 12 казачьих войск Российской империи Сибирского казачьего войска, работными людьми – мастеровыми и рабочими горных рудников и заводов Кабинета Его Императорского Величества.

Сельское население формировалось на протяжении трех столетий, отличалось культурной мозаичностью, являвшейся следствием трехсотлетней импульсивной миграции на территорию Верхнего Приобья из разных культурно-этнографических зон европейской части России, в результате чего возникали самостоятельные этнографические (историко-культурные, культурно-бытовые, этнокультурные) группы русского населения. На образ жизни, поведение, язык, духовную и бытовую культуру русского населения Алтая также влияли адаптация к природно-климатическим условиям Верхнего Приобья и межэтнические коммуникации и взаимодействия.

Алтайская деревня до наших дней сохранила память о многообразном историко-культурном составе русского населения. В рассказах носителей исторической памяти о прошлой жизни сельское общество представлено *смоляками, туляками, воронежцами, кержаками, рязанью, пермяками, вятскими, кацапами, белоногими, немоляхами, вологодскими, чалдонами* и другими группами *русского населения*. Изучение русской традиционной культуры в любом населенном пункте Алтайского края должно начинаться именно с истории заселения культурными группами. В соответствии с их традициями, пристрастиями, бытовыми привычками формировался историко-культурный облик села, его окрестностей, усадьбы, жилища, семейная, общественная, духовная, конфессиональная жизнь.

В региональной этнографии существует деление русского населения на старожилов и переселенцев. К *старожилам* этнографы традиционно относят русское население, осевшее на территории Алтайского края до 1865 г., в период запрещения Кабинетом массовых переселений на земли Алтайского горного округа. К *переселенцам* – русских мигрантов, хлынувших на Алтай после отмены крепостного права в России и разрешения селиться на территории Алтая. Среди переселенцев были и другие этнические мигранты – немцы, украинцы, мордва, тата-

ры, чувашаи и другие народы Европейской России. Это вело к взаимовлиянию культур и формированию локальных вариантов традиционной культуры. Примером является история и культура переселенческой этнографической группы *хохлов*, сформировавшейся на территории сопредельных великоросских (русские) губерний – Курской, Воронежской, Белгородской, Тамбовской, с одной стороны, и малоросских (украинские) губерний – Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, с другой стороны. *Хохлы* имели отличия в традиционной культуре как от украинцев, так и от русских. Следы их широкого распространения на Алтае сохранились в названиях «концов» или «краев» многих деревень Алтая («Хохляцкий край» или «Хохлы»).

Деление русского населения на две группы, старожилов и переселенцев, не отражает всего многообразия историко-культурных групп, входящих в категорию старожилов и переселенцев. Например, к старожилам принято относить абсолютно самостоятельную этносоциальную группу сельского *казачества Алтая*. Оно являлось военным служилым сословием, что накладывало значительный отпечаток на его культуру. Под его прикрытием формировалось гражданское русское старожильческое население из *староверов* разных толков и согласий, *работных людей* демидовских уральских и кабинетских алтайских заводов, также отличавшихся своим правовым, социальным, общественным положением от других историко-культурных групп сельского населения. Наконец, самую многочисленную категорию старожильческого населения составляли *крестьяне* – хранители классической традиционной культуры русского населения Российской империи.

Каждая *старожильческая историко-культурная группа* внутри также не являлась однородной. Она формировалась и добровольно, и принудительно на протяжении XVIII – первой половины XIX в. Власти горного округа поощряли расселение вблизи заводов самовольно пришедших «гулящих людей», приглашали добровольцев и одновременно заселяли ссыльными и беглыми. Значительную часть русских первопоселенцев составляли *староверы*. Одни искали земли, свободные от административной власти, ограничивающей их право на вероисповедание. Другие появились в результате очередных карательных мер, предпринимаемых правительством и официальной церковью против раскольников. Но к этому времени уже не было согласия и единодушия в староверческом мире, рассыпавшемся на согласия и толки старой веры. С отголосками этой дробности до сих пор можно встретиться в сельском мире Алтайского края. Среди русских староверов были и беглые переселенцы из Поморского Севера (мы – *поморские*), и с Поволжья (*кержаки*), и принудительно сосланные из Ветки после присоединения Польши русские староверы (*поляки*), и из Белой Криницы, входившей некоторое время в состав Австро-Венгрии, русские староверы – *австрийцы* и более мелкие группы внутри согласий – *рябинники, дырники, топольники, часовенные, федосеевцы, старики и др.* Они отличались и образом жизни, и одеждой, и застройкой усадьбы, и убранством дома как от старожильческого русского крестьянства, относящегося к официальному православию, так и между собой. На формирование локальных вариантов русской традиционной культуры старообрядцев оказали влияние конфессиональный фактор и исторические процессы формирования старообрядческих групп. В селе Алтайском старо-

жили из старообрядцев-поморцев рассказывали, какая большая разница была между ними и пришлыми в село старообрядцами-поляками: «Жили здесь какие-то поляки. Замуж брали их девок. Они носили яркие костюмы. А на голове рясные головные уборы, украшенные перьями селезня». Дифференцирующими признаками старообрядцев-поляков, как переселенцев с юго-западной территории Европейской России, старообрядцы-поморцы, чья культура сформировалась на севере Европейской России, называют более яркие краски, нарядность одежды, т. е. те черты, которые отличали варианты южнорусской культуры от северорусской. В *поморских* староверческих селах Куяган и Куяча Алтайского района до сих пор ходят легенды об одной женщине-полячке, «которая одевалась не так, как они». На современном этапе все эти историко-культурные группы русского населения в бытовом употреблении слились в обобщенный экзотоним – *кержаки*.

Таким же пестрым по составу было старожильческое крестьянство, принадлежащее к официальному православию. Среди них и представители группы *сибиряков* – русских землепроходцев, освоивших Сибирь в XVI – XVII вв. Территория Алтайского края заселялась со второй четверти XVIII века, т. е. на 1-2 столетия позже других сибирских территорий. Именно переселенцами-сибиряками из сопредельных земель Кузнецкого и Томского округов были основаны первые деревни в обширных приалтайских степях и предгорьях. Колоритной группой сибиряков являлись *тоболяки* (Тобольская губерния), составлявшие значительную долю среди первопоселенцев Алтайского края. Из Европейской России в этот период переселялись на Алтай прежде всего из тех местностей, где налоговый гнет был больше, а плодородие земли ниже. Заметную долю составляли крестьяне с Этнографического Севера Европейской России – Русское Поморье, свободного от помещичьего гнета – *олонецкие*, *вологодские* или *архангельские*; и сельское население Урала, ставшего своеобразным резервуаром и перекладной территорией русского крестьянства на пути из Европейской России в Сибирь. Особенно заметный след оставили уральские *пермяки* и более поздние поселенцы *вятские*.

Избы старожилов. Солонешенский район. Фото автора. 1990 г.

Среди этнокультурных групп старожильского русского населения большую память оставили *чалдоны*. В современной деревне рассказы о них, также как и о *кержаках*, мифологизированы. Но базовый материал позволяет выделить ряд этнодифференцирующих признаков чалдонов как представителей всей русской культурной группы старожилов. Особенности их хозяйственных традиций, образа жизни, культурно-бытового поведения базировались на социально-экономических отличиях от *россейских переселенцев* – обеспеченность землей, скотом, инвентарем. Именно взаимовлияние социальных и этнографических факторов обусловило на Алтае появление русской этнографической группы *чалдоны*. Районами их проживания являлась центральная лесостепная зона (например, Каменский район, села Столбово, Гонохово, Верх-Алак) и восточная предтаежная зона (например, Залесовский район, села Пещерка, Залесово, Гонохово и др.). Обычно информанты из переселенцев-*россейских* или *хохлов* компонентами этнографической идентичности старожилов-чалдонов называют «давность проживания» и «зажиточность». А.В. Клокова (Столбово, Каменский район), относящая себя к чалдонам, аргументировала свою принадлежность тем, что ее «родители чалдоны были, их так звали, а откуда они пошли, я не знаю... Мой отец из чалдонов, его отец еще из чалдонов. Отец Василий Петрович, дед Петр Андронович, дак они вот тутошные и были, а откуда они тут взялись, этого я вам не скажу. Говорят был Чал и Дон. Там у них война была или не была, и их оттудава ссылали, или они сами приезжали в Сибирь». Вторым отличием ее дедов и родителей являлось «богатство»: «Махонинские богатыми считались, у них коней сильно много было... поэтому у них назему было много... из местных они были, тоже *чалдонская порода*... Тут в этом краю все чалдоны жили, Рассчетаевы эти были, Гальки Кириной дедушка, у Серафима была жена чалдонка и ее сестра. Богато все жили, это *чалдонье*».

Изда-связь (старожилы). Село Думчево Залесовского района. Фото автора. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 1998 г.

Изба (южнорусские переселенцы). Село Верх-Ануйское Быстроистокского района. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2007 г. Фото Н. С. Грибановой

В описании *чалдонской* породы переплелись имущественные отличия с культурными: «Здесь тайга была страшная. *Чалдоны* селились только возле речки [традиционная долинно-приречная застройка населенных пунктов старожилов. – *Прим. авт.*], тут вот большие дома стояли, высокие какие-то настроят, а окошечки вот такие, как в кухне у меня, – маленькие, а почему, стекла что ли не было или еще что [старожильческий тип срубного дома на Алтае, адаптированный к сибирским условиям. – *Прим. авт.*]. И дома в два ряда были. И ставили большие дворы – скота много держали. Они стояли от дома немного подальше: параллельно, так что между домом и сараем получался двор, въезжали в который через ворота [традиционная застройка усадьбы старожилов. – *Прим. авт.*]. Бани ставили отдельно от домов возле речки, чтоб не загорелись дома. Мужики помоются и в речку ныряют, *чалдонье* эти. Они париться любили». Информаторы отмечают важные хозяйственно-культурные традиции старожильческого населения Алтайского округа. Например, то, что у русских старожилов хозяйство носило преимущественно скотоводческое направление в силу разных исторических условий. Культура земледелия и хлебопашества широко распространилась с российскими переселенцами второй половины XIX в.

Народное толкование *чалдонов* отражает мифологему о состоятельности, зажиточности старожилов как этнодифференцирующем признаке. В социально-этнографической интерпретации *чалдонов* на первое место ставится приоритет первопоселения чалдонов и как следствие – зажиточность, которая проявлялась в большом количестве скота, добротных строениях, лучшем местоположении усадьбы и т. д.: «*Старожилы* – это которые первые здесь жили... эти самые *старожилы* и были *чалдо-*

ны, их так просто звали чалдоны. Мы вот приехали с Украины, кто с Белоруссии, а это были местные жители, чалдонами их звали. Расшифровывается это как люди пришедшие с Чалого Дона, казаки какие-то сюда пришли...» [А.Г. Прокопенко, 1918 г.р.]. И как следствие стереотипа о зажиточности мифологизировались этнопсихологические и культурно-бытовые отличия чалдонов как старожилов: «*Старожилы* были мужики здоровые... рубили, знаешь, какие дома крепкие... И вот был старый жадный *старожил*, на него все обижались. Нанялись к нему пшеницу косить. Вот значит, в обед пришел, овес лошадям привез, накормил их [информатор подчеркнул хозяйское отношение чалдонов к скоту. – Прим. авт.]. И привез, значит, он нам [наемным рабочим из переселенцев. – Прим. авт.] есть. А они раньше, чалдоны, мясо любили – в марте его вялили, оно как кожа делалось. Сварили из него суп, поели. Наш Анисим говорит: «Нет, я так не могу». Ему же надо целый день работать [т. е. не наелся. – Прим. авт.] ... Сел верхом. Приехал в Столбово, набрал хлеба, у нас сало было, сала привез...». Переплетение духовных [скупость, прижимистость], материальных [строительные традиции и традиции питания], антропологических [крупные, крепкие] компонентов позже приняли форму стереотипов и служили материалом для присловий и баек о чалдонах.

Интерпретации имущественного богатства чалдонов основывались на хозяйственно-культурных и бытовых традициях чалдонов: «Такие, знаешь, *старожилы*, у них скота много. В пригоны они зимой его не загоняют. Ставили они жерди, соломой сверху обкладывали, забивали и загоняли туда скот. Не чистили они у скота. И щас есть места – копнешь, а там солома. Голов они помногу держали, больше, чем остальные. Богатые они были. У них лошадей много было и коров... в пригонах они не чистили, пока корова на коленях не могла пройти... пока навоз до крыши не скопится, а потом на новом месте пригон ставили...» Последнее толкование отражало отсутствие у сибиряков хозяйственной традиции удобрять землю навозом, в отличие от поздних переселенцев. На Алтае при многоземелье плодородие земли восстанавливалось залежью. Для переселенцев с Украины было непонятно бесхозяйственное отношение к навозу, который на родине служил и сырьем для строительства, и топливом, и, конечно, удобрением в условиях земельной тесноты и быстрого выпашивания степных почв.

Наслаивание культурной информации на социальные отличия также характерно для такой старожильской этноконфессиональной староверческой группы русских, как *кержаки*. Переселенческая интерпретация *чалдонов* и *кержаков* вследствие одних и тех же критериев идентификации настолько близка, что вела в некоторых селах к смешению представлений о них. Так, в Мамонтовском районе респонденты давали название *чалдон* не православным сибирякам, а соотносили со старообрядцами. В Залесовском районе переселенцы говорили, что «кержаков чалдонами звали», «девчонки *чалдонов* – они же *кержацкие* дети» (А.И. Очкасова, с. Пещерка, Залесовский район).

Схожесть этих двух культурных групп русских – чалдонов и кержаков – обусловлена историческими условиями их появления на Алтае и свободным захватным землепользованием в XVIII – первой половине XIX в., что позже вело к консолидации всех *старожилов* против *россейских*, появление которых вело к земельной тесноте. Кержак И.А. Медведев (1912 г.р.) из с. Усть-Калманка объяснял этноним *кер-*

жаки: «Где-то в России река Киржа. Вот эти люди там жили, их прозвали *киржаками*. Вот тебе и все». Его интерпретация превосходства *кержаков* перед более поздними поселенцами «*россейскими*» основана на информации, передаваемой через каналы семейной коммуникации. При этом передача информации от одного звена к другому была организована упорядоченно, чтобы транслировать то, что поддерживало их право на землю и оставляло «последнее слово за ними»: «Я здесь родился. Мой прадед зачинал село это... С России они шли. Тогда назывались ходаками, земли эти заселять. Из Барнаула шли по реке [р. Оби, а затем ее притоку – Чарышу. Старожилы действительно в XVIII в. расселялись по рекам Алтайского края и основывали старейшие села по их берегам. Приречное расселение являлось первым этапом российской колонизации Верхнего Приобья. – *Прим. авт.*], облюбуют [место], село где можно ставить: «Кто останется?» – «Я!» – «Оставайся здесь». Так и дальше, и дальше, дальше, и все туда, пока Чарыш не кончился. Все заселяли так. Мой прадед вот здесь облюбовал и поселился».

Старожильческое горнозаводское население также формировалось и добровольно, и принудительно. В первые годы А.Н. Демидов, столкнувшись с незаселенностью левобережного Приобья Алтая, прибегал к насильственной вербовке крестьян Томского и Кузнецкого уездов и к отправке крестьян приписанных к уральским заводам. Кабинет с 1761 г. стал пополнять работный люд за счет новобранцев из числа алтайских приписных крестьян, которые направлялись не в армию, а на заводы в качестве подневольной рабочей силы. К концу XVIII в. сформировалась социально-культурная группа *мастеровых* и *работных людей* алтайских заводов. Их работа приравнивалась к военной службе, мастеровые стали жить в строгом соответствии с Воинским уставом, а их детям было предначертано заменить отцов. Соответственно и образ жизни и культура этой историко-культурной группы русского населения значительно отличалась от другого русского населения. Известным специалистом в области изучения культуры горнозаводского населения являлся А.И. Мисюрев, собравший в 1930-х годах уникальный фольклор. До наших дней в устной истории алтайской деревни встречаются подтверждения о различиях между двумя группами русского

Полотенце поляков южного Алтая. Изготовлено в 1905–1906 гг. А.И. Пестуновой (1889 г.р.). Село Секисовка Восточно-Казахстанской обл. Республика Казахстан. МИКНС СО РАН № 1349. Сборы Л.М. Русаковой. Фото Н.С. Грибановой. Архив ЛИК АлтГПА

Стеновой платок (полотенце) старожилы Алтая начала XX в. Село Александровка ВКО. Республика Казахстан. МИКНС СО РАН № 1709. Сборы Л.М. Русаковой. Фото Н.С. Грибановой. Архив ЛИК АлтГПА

как и крестьян. Позже служили городские казаки из Тобольска, Сургута и Березова. *Белопоместные казаки* вербовались из крестьян, служивших без государственного жалования, но за безоборочное пользование землей. *Выписные* или *приписные* казаки из крестьян несли караулы в качестве государственной повинности, но в отличие от белопоместных не освобождались от налогов. В 1750–1760-е годы на Алтай присылались большие команды казаков из Донского и Яицкого войск. В XVIII – начале XIX вв. на формирование культурного облика служилого казачества Алтайского края оказывали и армейская служба, т. к. помимо казаков границу охраняли до двух тысяч солдат, и культура реестрового казачества сословия из сибирских, донских и яицких казаков, и постоянные вливания крестьянского населения.

В пореформенный период необходимость в службе казаков, расселенных на Алтае по 30 укрепленным пунктам Колывано-Кузнецкой линии, отпала, и они остались жить в окружении крестьянского мира. И казачий мир, и крестьянский мир являлись локальными вариантами русской культуры. При этом старожильческая крестьянская культура отличалась большей традиционностью, связью с древнерусской многовековой традицией. Казачья культура быстрее впитывала новации светской и городской культуры. Отношения русских казаков и русских крестьян на Алтае складывались не просто как в силу привилегированности служилого сословия, в т. ч. в обеспечении землей, так и в силу более высокого социального статуса. Казачество противопоставило себя тем русским, ко-

населения – служилого работного люда и сельского крестьянского сословия. В 1992 году на территории Третьяковского района в уличной потасовке мальчишки из двух соседних сел обзывались *мушланами* [потомков крестьянского сословия из села Ново-Алейское. – Прим. авт.] и *бергалами* [потомков работных людей Алейского серебряноплавильного завода из Верх-Алейки. – Прим. авт.].

Культурная старожильческая группа – *казачество* – формировалась на протяжении второй половины XVIII века также из разных социальных и этнокультурных групп русского населения с привлечением и *инородцев*. Первые гарнизоны комплектовались как *из городских казаков* Томска, Кузнецка и Тары, являвшихся оплотом Российского государства в приграничных с Джунгарией сибирских территориях,

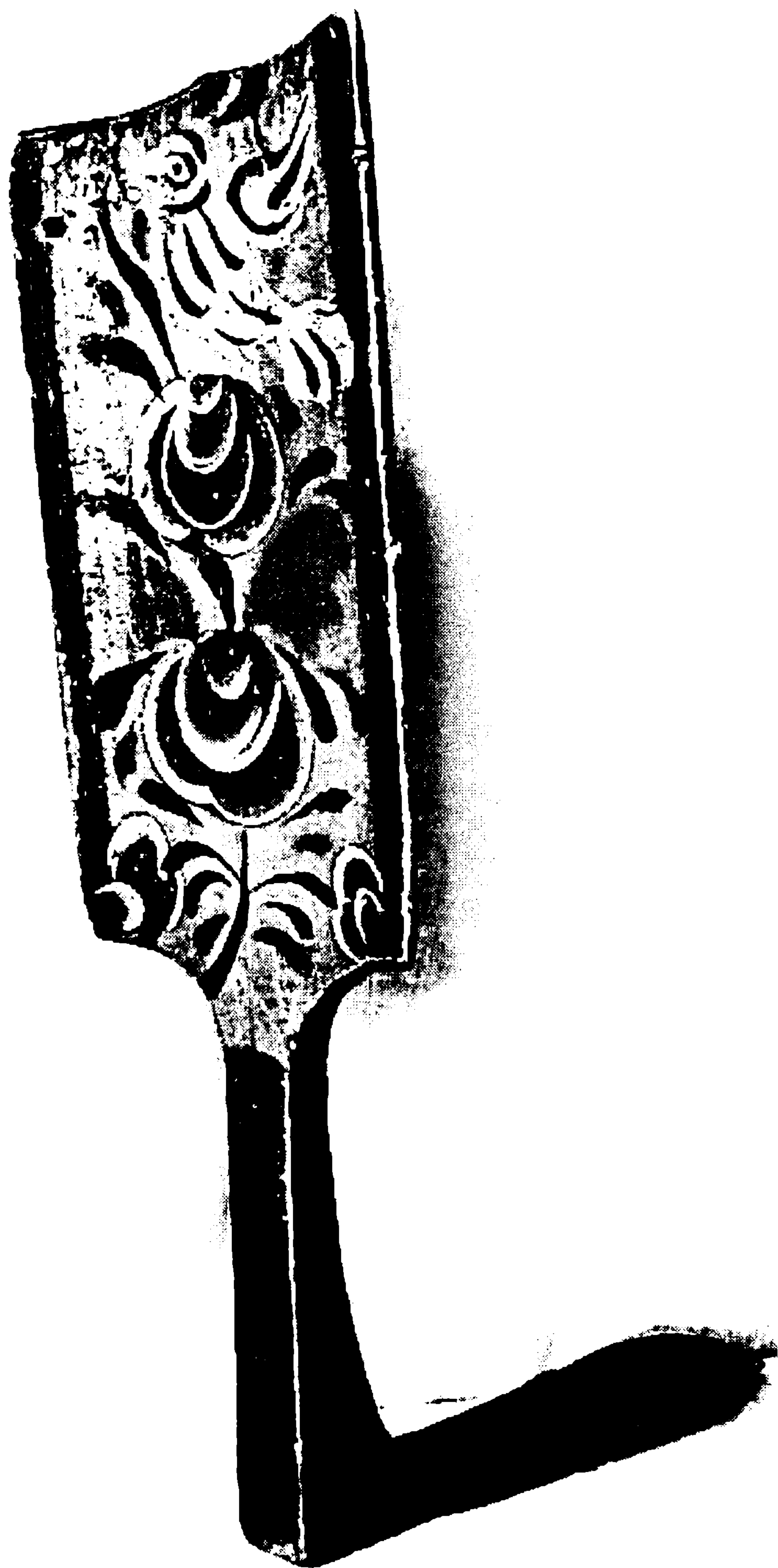
торые занимались крестьянским трудом. Антитеза «казаки-крестьяне» интерпретировалась русским переселенцем из воронежцев В.Ф. Пенкиным (1907 г.р., с. Михайловка Усть-Калманского района) следующим образом: «Они (т. е. казаки) землей владели богато. Земельная грань Антоньевки (совр. Петропавловский район), казачьей станицы (расположена в 7 км от Михайловки), находилась в километре от Михайловки по одну сторону реки Слюденки. А Слюденская грань (казачья Слюденка в 12 км) по другую сторону, проходила почти по окраине села Михайловки. А наши (переселенцы) пользовались ею (т. е. казачьей землей), арендовали у казаков, а отрабатывали трудом: там сено ему (казаку) покосят, там посеют ему. За гранью земли так просто не возьмешь. Боже упаси! Там травы не покосишь. Пороли они людей плетью. Вся река Слюденка у них была. А наши на речку идут черемуху, смородину рвать. Вот они там. Это их работа тарабанить [бить. – Прим. авт.] людей». Х.А. Кузнецова (1907 г.р. из воронежских переселенцев) подтверждает: «Казаки шибко людей наших били. Речка оттуда от казачьей Слюденки бежит. Это их земля по речке и забока. Что родилось, все их. Наши за калиной, хмелем ходили – отымали мешки. Наших мужиков били».

Разница между этнографическими группами внутри русского крестьянства Алтайского края формировалась на основе культурно-бытовых, конфессиональных, языковых и других отличий русского населения Российской империи. В XVIII – XIX вв. каждая губерния Европейской России являлась своеобразным этнографическим историко-культурным заповедником с населением, отличавшимся от сопредельных губерний говором, обустройством населенных пунктов и жилища, занятиями, костюмом, поведением, семейными, трудовыми, ритуально-обрядовыми и другими традициями. Воронежцы, рязанцы, туляки, смоляки, куряне, гомель, орел, тамбов и т. д. За каждой региональной группой закрепились самобытные черты культуры.

Особенно это многообразие вариантов русской культуры стало заметно на Алтае в период массовых переселений крестьянства из Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. и формирования этнографической группы *переселенцев*. Алтай был очень популярной территорией. Слухи о его плодородных землях и благоприятном климате для сельского хозяйства быстро распространялись на обширных территориях Российской империи, перерастали в мифы. Только за 9 лет, с 1884 по 1892 г., на терри-

Утирка российских переселенцев. Село Соловьяха Петропавловского района. МИКНС СО РАН № 207. Фото Н.С. Грибановой. Архив ЛИК АлтГПА

Прялка-коренушка с урало-сибирской росписью (старожилы). Конец XIX – нач. XX в. Бийский уезд Томской губернии. Краеведческий музей села Залесово Залесовского района

восточную притаежную зону Бийского уезда. Преобладание в миграционных потоках русского населения с культурными традициями средне-русской и южнорусской этнографической зоны России привело к формированию новых этнографических групп. Старожильческое крестьянское население стало называть себя «старожилами», «сибиряками», а вновь прибывающих переселенцев – «россея» или «россейские». Между ними и внутри них было много культурных различий в образе жизни, производственных традициях, праздничных и витальных обрядах и т. д. Если у старожильческого населения преобладала сдержанная северорусская культура, сформировавшаяся в суровых условиях севера и закреплённая аскетизмом староверов, то переселенцы принесли многоцветье и яркость красок. Среди них выделялись воронежцы, с замечательными певческими традициями и декоративно-прикладным мастерством, тамбов с хлебопашескими традициями, вятские с кустарно-ремесленными навыками и т. д.

На новом этапе заселения территории Верхнего Приобья Алтая происходило, с одной стороны, взаимообогащение разных групп русского

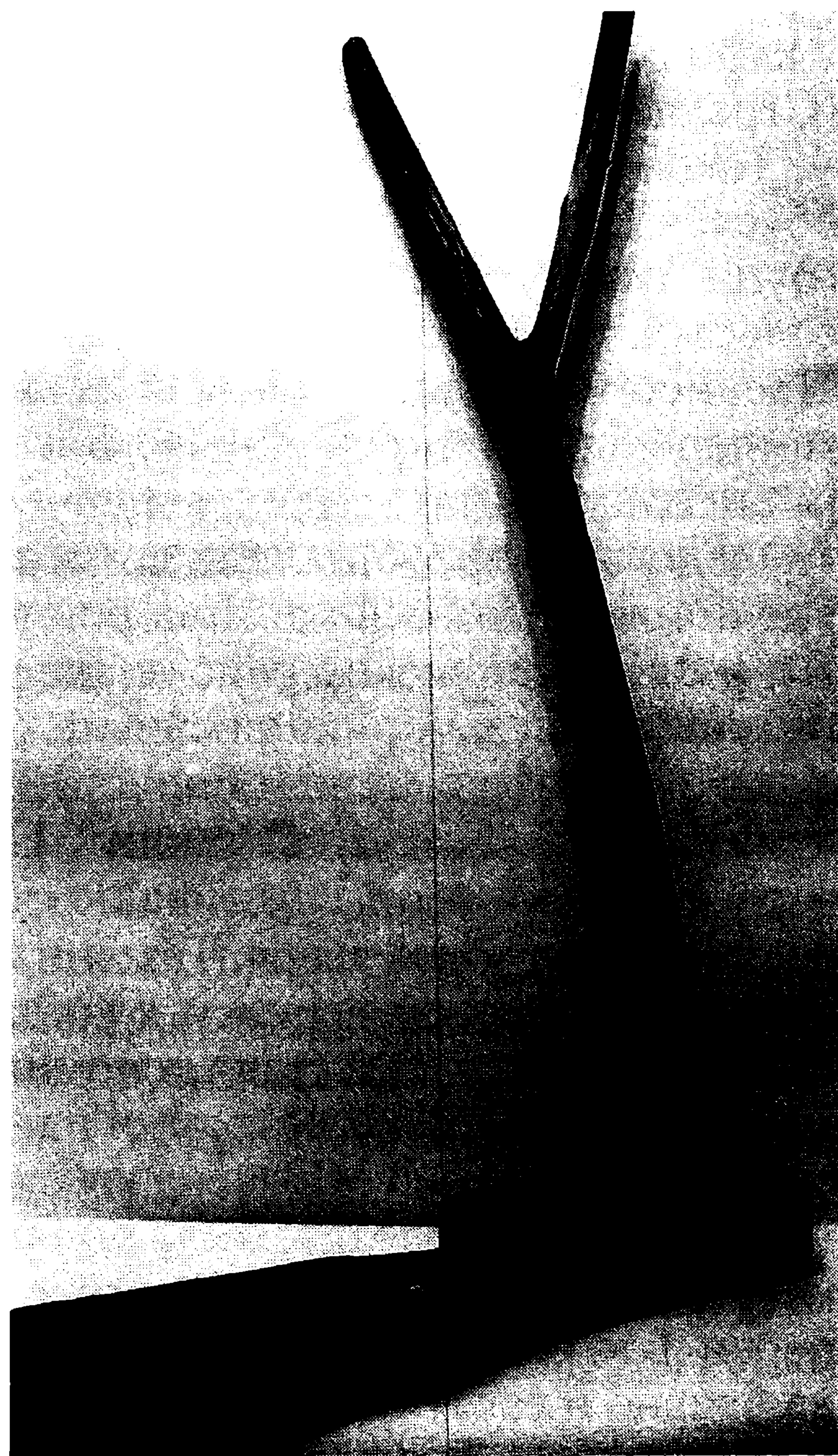
торию Алтайского округа прибыло 195,9 тыс. переселенцев (1). В ходе миграций второй половины XIX века, прежде всего, изменился контингент переселенцев. Основная их масса, в отличие от XVIII – первой половины XIX в., переселялась на Алтай не с Севера, Урала или Сибири, а из губерний *средне- и южнороссийской* зоны Европейской России, где до 1861 г. сосредотачивалась основная часть помещичьего крестьянства. Особенно много прибыло русских крестьян из центрально-черноземной полосы Европейской России и Левобережной Украины, где земли не хватало. По данным Первой всероссийской переписи 1897 г. больше всего переселенцев было из Тамбовской губернии (47,8 тыс. человек), Курской (45,3 тыс.), Воронежской (44,5 тыс.), а также Рязанской (26,8 тыс.), Черниговской (21,8 тыс.), Самарской (14 тыс.), Пензенской (13,2 тыс.), Орловской (12,3 тыс.), Харьковской (11,2 тыс.) и других.

В конце XIX в. русские составляли около 1 млн. 143 тыс. человек из общей численности населения четырех уездов Алтайского горного округа 1 млн. 326 тыс. Они осваивали территории центральной хлебопашеской части Алтайского края, частично охватывая и

населения, встретившихся на территории Алтая: переселенцы учились у сибиряков срубному строительству, урало-сибирской росписи стен и предметов утвари, скотоводству, охоте, бортничеству; сибиряки перенимали у переселенцев традиции обустройства усадьбы палисадниками, цветниками, садами, бахчами, традиции земледелия, кустарных промыслов и др. С другой стороны, сохранялись дифференциация и обособление культурных групп русского населения, отличия которых сформировались в «кормящем ландшафте» исходной малой родины. Сложность взаимоотношений между этнографическими группами русского населения, возникающая вследствие разницы бытовой культуры, отражают устные свидетельства о вятских переселенцах.

Вятские [переселенцы с Вятской губернии Урала], колоритная этнографическая группа русского населения, заселили на Алтае территорию предсалаирской черневой тайги (Залесовский, Заринский, Кытмановский, Целинный, Тогульский районы), про которую говорят: «Воткни в землю оглоблю – телега вырастет» (Н.П. Мальцев, с. Кытманово). Они основывали небольшие таежные поселки, однородные по своему этнографическому составу (большинство этих поселков были ликвидированы в период переустройства алтайской деревни). Основные занятия вятских были связаны с изготовлением транспортных средств (телеги, кошевы, сани), деревянной утвари (бочки, лагушки, лагуны, чашки, селянки, корыта и другая утварь), с заготовкой леса. Между вятскими кустарями и крестьянами-земледельцами центральной лесостепной зоны Алтайского края происходил интенсивный товарообмен. В ходе этих контактов формировалась антитеза «мы-они». У русских крестьян-земледельцев идентификация вятских переселенцев-кустарей приняла характер присловий и поговорок: «Мы вятские – люди хватские. Семеро одного не боятся» (К.Г. Ляпунова, с. Тальменка).

Поводом к присловьям о вятских и насмешкам над ними со стороны других историко-культурных групп крестьян-земледельцев служило отсутствие традиций хлебопашества и кормового скотоводства. Об этом говорят следующие присловия, записанные в алтайских деревнях: «На бане росла трава, вместо того, чтобы вырвать ее, они корову на баню тащили» или «Семь мужиков стоят на возу, один подает и те кричат: «Не заваливай!». В Залесовском районе бытует присловье в разных вариантах о поездках вятских с продукцией кустарных промыслов на базары и ярмарки степных земледельческих сел.

Рогулька для привязывания кудели (южнорусские переселенцы). Историко-краеведческий музей Быстроистокского района. Фото Н. С. Грибановой. 2007 г. Архив ЛИК АлтГПА

В селе Большой Калтай записан первый вариант: «Поехали *вятские* на базар в Маслянино [совр. Новосибирская область]. Решили по дороге заночевать в лесу. *Русские мужики* [в рассказе противопоставлены «русские» и «вятские». – *Прим. авт.*] взяли и развернули за оглобли телегу в другую сторону. Утром вятские проснулись и дальше поехали. Подъезжают к деревне. И один из вятских говорит: «Что-то деревня больно на нашу похожа». А другой: «А вон баба идет, как моя Дунька». Второй похожий вариант присловья записан в с. Пещерка [О.С. Орлова, 1924 г.р.]: «Значит поехали. Ехали. Ехали. Ночевать... Ставят [телегу] и поворачивают оглобли в сторону, с которой ехали. «Ну че, горит, сани вертишь?» – «Да чтобы завтра не забыть откуда ехали». Утром встали и поехали. Едут и один другому говорит: «Ванька, смотри, как наша деревня». Ладно, посмотрели, посмотрели. Дальше поехали. «Ванька, как наш председатель-то». Потом едут: «Ванька, дак вон моя баба идет»».

В интерпретации русских крестьян-земледельцев отличительными чертами вятских-кустарей называются леность [т. к. те не заводят пашню, не косят траву. – *Прим. авт.*], отсутствие смекалки, тугодумие [неумение вятских заниматься земледельческим трудом. – *Прим. авт.*]. Поэтому в присловьях доминирует мотив насмешки, как, например, в следующем присловье, где якобы вятские не умели отличить поросенка от курицы: «Вятские купили поросеночка и давай на шесть чепить (цеплять, садить) и приговаривают: «Чепись, чепись, поросенушка. у курочки и то две лапки и чепится, а у тебя – четыре, ты чепись-то» (Стреляева Н.Г., 1918 г.р., с. Покровка, Мамонтовский район).

Такое восприятие русскими-земледельцами русских неземледельцев обусловлено разными хозяйственно-культурными традициями у двух групп русского населения. Хлебопашество, основанное на природно-сельскохозяйственном календаре, требовало тщательности и ответственности. График земледельческих работ был для алтайских крестьян-земледельцев напряженным. Вятские кустари были более свободны [в интерпретации земледельцев – безалаберны]. Русские старожилы-земледельцы представляли вятских неумехами и лентяями [якобы не умели или не хотели пасти коров, не хотели или не умели охотиться и т. д.]. В Кытмановском районе, где русских вятских было особенно много, записан целый ряд присловий о них: «Один раз пошли вятские мужики на охоту и нашли берлогу, в которой сидел медведь. И стали думать, как его оттуда вытащить. Один мужик предложил обвязать его веревкой и, когда он, спустившись, схватит медведя, вытащить его за веревку и затем убить зверя. Так они и поступили. Спустили его в берлогу и начали тащить за веревку, а когда вытащили, то оказалось, что у мужика нет головы. Все стали вспоминать, была ли у него голова, когда он залезал в берлогу, но не смогли припомнить. Тогда пошли к его жене и спрашивают: «Была у Семена утром голова или нет?» Она ответила, что не помнит, но вроде бы, когда он пил утром молоко, то усы были белые» (Королев Г.О. 1922 г.р., село Отрадное). «Один раз вятским надо было переплыть речку, а плавать они не умели. Один из них предложил сесть на бревно и связать под ним ноги, чтобы не соскользнуть с него во время переправы. Все это они сделали и оттолкнули мужика на бревне от берега. Когда он немного отплыл, бревно в воде перевернулось; ноги оказались над водой, а голова скрылась под ней. Заметив это, один из компании сказал остальным: «Смотрите, не успел отплыть, а уже лапти сушит» (Королев Г.О. 1922 г.р., село Отрадное).

Большое влияние на формирование локальных вариантов русской традиционной культуры стали оказывать этнические миграции, особенно усилившиеся в период столыпинских переселений начала XX в. Полиэтническая столыпинская волна переселенцев облюбовала степные засушливые районы западной, прежде всего степной части Алтайского края. В т. ч. почти безлюдную Кулунду, не представлявшую интереса для старожилов, для которых более предпочтительными были лесостепные и притаежные районы. Русские этнографические группы и этнические мигранты на Алтае старались селиться в привычных природно-климатических зонах и местах компактного проживания родственных культур. Современники указывали, что «тамбовец или курянин, знающий степь Средней России, попадая в Тарскую [Тобольская губ. – Т.Ш.] или Мариинскую [Томская губ.] тайгу, чувствует себя совершенно бессильным, беспомощным перед чужой природой и бежит от нее, бежит в Алтайские степи, более походящие на его родные степи (2, С. 245). Так, жителю средней полосы России было трудно «привыкать к предгорьям Алтая», не говоря уже о горах, черневых лесах и тайге, которые уже облюбовали русские старообрядцы с европейского севера: они «вовсе не селились в этих местах или, поселившись, вскоре перебирались в степь, где им привольнее и роднее» (2, С. 249). И, наоборот, *пермяки, тоболяки* и переселенцы из Нижневолжских губерний – Симбирской, Казанской, Самарской, Саратовской – находили «схожими условиями жизни в нижневолжских и приуральских губерниях ..., которые переселенец находит в восточных волостях Бийского уезда».

Поэтому, по словам П.А. Голубева, «переселенцы жмутся к толпе своих, сбиваются в одну кучу», стараются «селиться кучками». Так, курские переселенцы, их называли на Алтае *куряне* (из Курской губернии), «сгрудились» в Бурлинской волости, тульские (*туляки*) в Верх-Чумышской, среди «тамбовцев и симбирцев были мордовского происхождения, среди которых встречались чувашаи» (3, С. 436.). В результате в старожильческих русских селах формировались переселенческие края, называемые по местам исхода переселенцев: Курский или Орловский край, *Рязань* или *Тамбов*, Мордовский край или *Хохлы*, а в слабозаселенных старожилами землях возникали немецкие, украинские, чувашские, мордовские, татарские, эстонские и другие села, которые узнавались по топонимам – Плотавка, Украинка, Переяславка и Черниговка (украинцы), Лифляндка, Гайдель (поляки), Волга и Ново-Чувашский (чувашаи), Эстония и Койт (эстонцы), Глядень, Саратовка и Самарка (немцы) и т. д. Формировалось на Алтае поликультурное общество, которое через совместный труд консолидировалось, сохраняя свои традиции и культуру. Смешения культур не происходило, т. к. каждая земляческая группа обособлялась: «*рязанцы* образовывали свою улицу или конец, *хохлы* свою, *мордва* свою. Хохлы и рязанцы отличались бойкостью, мордва народ угрюмый, но трудолюбивый» (4, с. 316–317).

Не способствовали стиранию культурных традиций и такие дифференцирующие факторы, как конфессиональная непримиримость, языковой барьер, самодостаточность крестьянского хозяйства. Каждый фактор закреплял обособленность не только русского населения (например, староверы и мирские) и этнических переселенцев, но и внутри каждого социума. К иноэтническим переселенцам на территории Залесовского и Заринского районов относились мордва-эрзя и мордва-мокша. Для местных *кержаков-старожилов* они были чужими, также как и «*россей-*

ские» – *мирские*, и *хохлы*, и *гомель*. В с. Ново-Красилово Заринского района приезжая мордва поселилась на краю деревни. Другой край заселяли кержаки, в домах которых на входных дверях новоселы увидели конопляные веревки, привязанные к дверным ручкам. Контакты между мордвой и кержаками были неизбежны, так как переселившаяся мордва батрачила у старожилов. Поэтому им приходилось заходить в дома кержаков. Переселенцы-мордва по привычке открывали дверь за ручку, а кержаки, чтобы не оскверниться, открывали дверь за веревку.

Такие же различия у кержаков существовали с *хохлами*. К ним старожилы относили не только собственно украинцев с Харьковской, Полтавской губерний, но и все население сопредельных с ними Курской, Воронежской, Белгородской губерний, на территории которых сформировались этнографические группы с вплетением южнороссийской культуры. Вот как описывала разницу с хохлами старожилка села Сорokino (ныне северный микрорайон г. Заринска) Опекун: «Сибиряки носили штаны в полоску без карманов, а хохлы – брюки с большими карманами, в которых носили табак, поэтому мы их называли *табашниками*». Действительно, в среде кержаков было запрещено курить, а украинцы курили много. Поэтому для них *хохлы* были грешниками.

В этом смысле этнография русского крестьянства Алтайского края представляла собой своеобразную энциклопедию традиционной русской культуры, охватывала культурную специфику достаточно широкого спектра этнографических групп русского населения России, от носителей традиций древнерусской культуры до гибридных локальных вариантов русской культуры с вкраплениями иноэтнических элементов. Например, культура и самосознание русских Кулунды (Табунский, Славгородский, Хабаровский, Кулундинский и др. районы) развивались в полиэтнической среде, где значительную часть составляли немцы, украинцы и казахи. В селах с преобладающим украинским компонентом русские старожилы интерпретируются как «коренные жители, которые здесь родились и жили», и всех русских называют просто *русскими* или *кацапами*. Из диалога с М.Л. Белоусовой (с. Семеновка Кулундинского район): «Р.: Старожилы там жили. К.: А как их называли? Р.: А бох их знае. К.: *Чалдонами, сибиряками, кержаками* их называли? Р.: Нет. Такого даже не було. Кроме *украинцев*, русские там были. К.: Из каких губерний? Р.: *Черниговские* там были, какие-то *белорусские*, всяко-всяко назывались, а откуда, бох их знае».

В русско-украинской Петропавловке Табунского района (ныне исчезло) проживали *русские* Калужской и Орловской губерний, которых называли *кацапами*. Как известно из словаря В. Даля, среди украинцев было распространено два экзоэтнонима русских – *кацап* и *москаль*. Первое *кацап* – «прозвище данное малорусами великорусам» из крестьянского сословия, второе *москаль* – «означало большей частью русского солдата, военного» [4]. Модель взаимоотношений *хохлов* (так называли в южнороссийских губерниях украинцев) и *кацапов* (так называли украинцы русских) была принесена на Алтай переселенцами. Это подтверждает интервью Е.А. Соломиной (с. Семеновка, Кулундинский район): «Батяка мой, як раньше назывались кацапы, а мамка ж с Черниговской что ли области, с Украины... приехала в 1909 г., ее привезли родители – ей було 7 годов. А батяка, це ж они назывались кацапы, с Орловской что ли области. Но они не в Семеновку сначала, а в Чапаевском (п. Благодатный) жили... В Чапаевском все кацапы были... Бать-

кины две сестры це после войны приихалы... Под немцем были... Тетки как пойдут на работу, говорят люди: «Вот пошли *кацапки* на работу».

Н.П. Сорокина (Златополь, Кулундинский район), из семьи *хохлов*, вышедшая замуж за *кацапа*, не помнит, отчего произошло название *кацап*, но отличает культурные традиции данной локальной группы. Среди них: «разговор у них другой – растяжестый... непонятно...», «обряд у них не такой, как у украинцев, – льняное они все носили, *кацапы* ж эти. Рогожки ткали... *Калуга* вот в лаптях ходили, а *украинцы* в обутках...», «дома у украинцев и *кацапов* не отличались – все саманные...». Но «внутри дома *кацапы* не мазали – бревна и наклеивали какие-то обои, а *украинцы* мазали, и они мажут очень аккуратно, ровно...», «Питание, блюда отличались. *Украинцы*, видимо, богаче жили, у них больше культуры [аналог этому еще одно высказывание «да грязные они были, неаккуратные ... такие эти *кацапы*»]. А эти, что они... Я со свекрухой жила. Она борщ сварить, а он невкусный. Они все больше картошку нечищеную, по-быстрому варили. Это нам не нравилось. У нас-то жареная. То толченка. Такое вот у *украинцев*. А они лишь бы побыстрее – картошки намоют, наложуть в духовку и пекуть. В борщ капусту и мясо бросили все вместе и варють. А мы заправляем все поджаркой – там морковка, свекла». На восток граница расселения *кацапов* доходила до Каменского района (с. Столбово): «Тут и *кацапы* какие-то приезжали, за Артамоновыми жили. Он сам *чалдон*, а жена его была, их обзывали *кацапами*. А шуть их знает, кто они такие. «*Дуня кацапка*, говорят, приехала». Она жила на гриве, там *избушенки* все маленькие были» (Клокова А.В., 1922 г.р.).

Изучение ареала интенсивного русско-украинского взаимодействия особенно интересно для исследования таких процессов, как формирование этнографической идентичности локальных групп, их открытость или замкнутость для взаимовлияний и т. д. Межэтническая коммуникация состояла из двух противоречивых процессов: вхождение этнокультурных миграционных групп в локальный социум и одновременно обособление. Так, украинцы отличались развитым огородничеством, овощеводством, садоводством, цветоводством, что было нетрадиционно для русских старожилов центральной зоны – *чалдонов* и *кержаков*. Как сказала А.Г. Прокопенко (1918 г.р., Столбово, Каменский район), «украинцы цветы садили. А *чалдоны* нет. Да они и щас не садят. Ничего у них нет. Ни помидоры не растут, ничего. А у меня все растет. У нас палисадники у дома были. Ой, у меня сад какой был, все лазили за моими яблоками». Именно поэтому, с одной стороны, *хохлы*, они и есть *хохлы*, акцент у них был, а так дружили» с русскими, с другой стороны, «была *Полтавщина*, *Одина*, *Дербень*, и у каждого своя качеля в роще... если в другой край на качелю приходили... дрались с ними сильно».

Таким образом, русские и другие этнические переселенцы разных миграционных волн везли с собой на Алтай традиции ведения хозяйства, общественный и семейный уклад. Трудовые традиции, хозяйственный и культурный опыт помогали выжить на новом месте. Поэтому история Алтайского края – это история переселений и освоения территории Верхнего Приобья историко-культурными группами русских и других этносов со всех уголков России. Мигранты были пристрастны в выборе места жительства. Каждая группа, собственно, старалась выбирать для ведения хозяйства территорию Верхнего Приобья с привычными для них географическими и природно-климатическими условиями. Исхо-

для из хозяйственно-семейных традиций, сложившихся в местах выхода, учитывали агрокультурную пригодность местности и ландшафтные особенности, к которым привыкли на малой родине. В результате чего на территории Алтайского края формировались этногеографические ареалы, отличавшиеся возможностями «кормящего ландшафта» историческими аспектами колонизации, хозяйственно-культурными традициями и духовно-бытовыми привычками. Пестрый культурный мир русского населения Алтайского края сохранял свои традиции вплоть до 1930-х годов. Развитие советского колхозно-совхозного строя усилило процессы разрушения самобытной крестьянской культуры и ускорило формирование единой светской культуры. На современном этапе в условиях индустриализации и мировой глобализации произошла ускоренная унификация, прежде всего, в материальной сфере этнической культуры русских. Вместе с тем, традиционная русская культура до сих пор присутствует и в этнической психологии, и в менталитете, и в бытовом поведении разных групп русского населения Алтайского края. Представители современного образованного общества одновременно идентифицируют себя особенно за границей *россиянами*, в Москве – *сибиряками*, а на Алтае в повседневной жизни часто вспоминают о своих культурно-исторических корнях – *мы из кержаков, чалдонья порода, мы росейские* и т. п.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Сибири. Т. 3. Л., 1968.
2. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888–1892 гг. // Алтайский сборник. Т. 1. Томск, 1894.
3. Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа // Под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890.
4. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский округ: Результаты статистических исследований в 1894 г. // Алт. сб. Т. 4. Вып. 2. Барнаул, 1899.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.И. Назаров.</i> Петр Иванович Каралькин и его вклад в изучение народов Сибири	4

ИСТОЧНИКИ

<i>Л.И. Ермакова.</i> Андрей Викторович Анохин и его исследование «Аборигены Алтая»	11
<i>А.В. Анохин.</i> «Аборигены Алтая». Краткий этнографический очерк	13

ИССЛЕДОВАНИЯ: ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ АЛТАЯ

<i>Т.А. Гориявчева.</i> Элементы системы жизнеобеспечения казахского сельского населения Алтайского края (на примере моноэтнических сел Кулундинского и Угловского районов)	61
<i>Н.С. Грибанова.</i> Украинские переселенцы Поспелихинского района: особенности самосознания, материальной и духовной культуры	71
<i>И.И. Назаров.</i> Традиционная пища кумандинцев	79
<i>М.А. Овчарова.</i> Хозяйство и промыслы мордвы Алтая конца XIX – начала XX в.	89
<i>Т.Б. Смирнова.</i> Немцы Алтая	98
<i>Т.К. Щеглова.</i> Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность	119
<i>А.В. Юсупова.</i> Татары Алтайского края в XX – начале XXI в.	135

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ, ПРЕЗЕНТАЦИИ

<i>Т.Г. Балахнина, Н.И. Капустина.</i> Вологодские наряды (по материалам Косихинского районного краеведческого музея)	149
<i>Е.П. Бубенчиков.</i> К вопросу о сохранении мордовских национальных традиций на Алтае: на примере семьи Литвиновых	152
<i>Р.П. Кучуганова.</i> «...Своя земля и в горсти мила»	158
<i>Т.И. Лисиенко.</i> Экспедиции Н.Н. Нагорской на Алтай в 1926, 1927, 1930 гг.	162
<i>Л.В. Малиновский.</i> Пионеры российского часового дела (по материалам коллекции немецких часов)	167
<i>О.С. Мамонтова.</i> Традиционная глиняная утварь на Алтае в конце XIX – первой половине XX в.	173
<i>И.В. Октябрьская, И.В. Попова.</i> Черный Ануй. История сел Алтая в фотоархивах АГКМ	179
<i>И.В. Попова.</i> Этнографическая коллекция: формирование, презентация (Алтайский государственный краеведческий музей)	187
<i>С.А. Соловьева.</i> Прядение и ткачество у кумандинцев	201

МУЗЕЙНЫЙ ФОТОАРХИВ

Материалы из фондовых коллекций АГКМ и ЛИК АлтГПА (подготовила И.В. Попова)	207
Сведения об авторах	239
Список сокращений	240